

Когда страну раздирает война, её культурное наследие неизбежно утекает за рубеж. Нажиться на этом спешат все: от банальных контрабандистов и грабителей до разорившихся коллекционеров, готовых за бесценок сбыть фамильные ценности.

Но заявление помощника директора, огульно списавшего происхождение всех экспонатов из аукционных домов на «добровольную продажу самими китайцами», глубоко задело Чжоу Цзюньтун. Принять подобное циничное упрощение она не могла.

И всё же долг экскурсовода обязывал её к сдержанности. Вокруг сновали посетители, и меньше всего ей хотелось, чтобы Чжун Ин и помощник устроили публичный скандал.

Справившись с эмоциями, девушка отступила от «Панорамы рек и гор на тысячу ли» и сделала несколько шагов вперёд. Выбрав экспонат с предельно прозрачной, как ей казалось, историей приобретения, она указала на старинную бронзу:

— Этот бронзовый письменный прибор господин Беллу приобрёл на аукционе в 1953 году. Судя по всему, это классическое утилитарное литьё эпохи Сун. На нём видны глубокие следы износа. В архивах музея значится, что его прежний владелец — выходец из обедневшего аристократического рода — столкнулся с нуждой и продал полный комплект принадлежностей, включая эту подставку для кистей, чашу для их омыwania и лоток, чтобы расплатиться с долгами.

Но закончить мысль ей не удалось. Тихий вздох Чжун Ина оборвал её на полуслове.

— Я видел эту вещь, — негромко, но поразительно уверенно произнёс он. Его взгляд намертво прикипел к шероховатому иероглифу «Цзин», вырезанному на бронзе древним стилем чжуаньшу.

— Эта подставка принадлежала господину Шэнь Лину. Он пользовался ею с самого детства, — заговорил Чжун Ин. — Шэни были баснословно богаты, подобных реликвий у них имелось без счёта. В 1938 году журнал «Шужай» опубликовал очерк о нём. Для этой статьи господин Шэнь собственноручно начертал каллиграфический девиз «Сближаться через искусство». И на архивном снимке в его кабинете отчётливо видна именно эта подставка с клеймом «Цзин».

— Но как это возможно? — на этот раз Чжоу Цзюньтун не смогла сдержать изумления.

Она торопливо шагнула к витрине, всматриваясь в бронзовый цилиндр, мимо которого проходила сотни раз.

— Я знала, что здесь высечено «Цзин», но понятия не имела, что этот предмет связан с мастером Шэнем!

Чжун Ин прекрасно понимал её смятение. Более того, он догадывался, откуда в инвентарных

книгах музея взялась эта складная байка про «обедневшего дворянина».

— Всё логично, — сокрушённо усмехнулся он. — Разве мог Беллу написать в документах правду? Неужели он признался бы, что «господин Шэнь так не хотел отпускать дорогого гостя, что от чистого сердца преподнёс ему любимый письменный прибор»?

Однотипная ложь быстро приедается. Обычная обиходная подставка для кистей — это не бесценная копия «Панорамы рек и гор на тысячу ли». Если бы Беллу везде лепил ярлыки «подарков на память», у любого въедливого архивариуса возникли бы подозрения. Такое обилие подношений от одного человека выглядело бы как минимум странно, а не как широта китайской души.

Чжун Ин опустил глаза и принялся медленно, экспонат за экспонатом, осматривать витрину. Карточки под стеклом были оформлены в неизменном стиле музея Беллу: на каждой красовалась аккуратная приписка о том, где, когда и при каких обстоятельствах основатель «приобрёл» вещь. Эта юридическая дотошность должна была отсеять любые сомнения в законности владения.

Следуя за ним тенью, Чжоу Цзюньтун нерешительно прошептала:

— Господин Чжун, неужели и другие экспонаты?..

Чжун Ин понял без слов. Она спрашивала, все ли эти реликвии добыты нечестным путём и действительно ли Беллу годами возводил монумент из лжи.

Созерцая знакомые очертания китайских древностей за стеклом, он не спешил с ответом — утверждать наверняка обо всём без исключения он не мог. Но в эту минуту Чжун Ин окончательно осознал, почему наставник, прилетая во Флоренцию ради десятиструнного циня, никогда не брал его с собой. Пять лет назад он был слишком юн, горяч и прекрасно помнил семейные реестры Шэней. Окажись он здесь тогда, его детский, простодушный вопрос раздался бы подобно грому среди ясного неба: «А почему вещи дедушки Шэня лежат в музее этого итальянца?» И тогда они спугнули бы зверя раньше времени.

Шаг за шагом Чжун Ин мерил шагами просторный китайский зал. Несмотря на то, что сто тринадцать предметов уже вернулись на родину, экспозиция по-прежнему пестрела вещами, которые он знал как свои пять пальцев. Они остались здесь лишь потому, что их ценность была не столь велика или на родине имелись аналогичные экземпляры — наставник просто не включил их в первый репатриационный список. И всё же это не мешало Чжун Ину безошибочно узнавать их корни.

Роли переменились. Тот, кого привели сюда как гостя, сам превратился в экскурсовода. Он вернулся к одной из ранее пройденных витрин и указал на скромно мерцающие в полумраке чаши, пролежавшие здесь неизвестно не одно десятилетие.

Подпись под ними гласила: «Белое фарфоровое блюдо семейства Цуй, эпоха Тан. Приобретено Беллу на аукционе во Франции в 1967 году».

— В архивах Шэней есть детальное описание точно такого же набора, — ровным голосом произнёс Чжун Ин. — Чистейший фарфор из печей Синъяо. Белизной подобен свежавывавшему снегу, а звоном — серебру. На донце каждого блюда вырезан скорописный иероглиф «Цуй». Это была семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение. Исчезла осенью сорок второго года.

Он перешёл к следующему экспонату.

«Минский набор резной глазурированной чайной посуды. Приобретён Беллу у частного коллекционера в 1971 году».

— Обратите внимание на узоры, — Чжун Ин коснулся пальцем стекла. — Сосна, бамбук и слива. Три друга зимней стужи. Точь-в-точь как любимый нефритовый сервиз господина Шэня. После сорок второго года он бесследно пропал. С тех пор мастер Шэнь больше никогда не пил чай из своей любимой чаши с бамбуковым орнаментом, когда музицировал.

Его взгляд переместился на старинные свитки.

«Свитки на шёлке, династия Цин. Приобретены на аукционе в Италии в 1955 году».

— Как бережно их здесь хранят... — Чжун Ин горько усмехнулся. — Жаль, оригинальному собранию Шэней повезло куда меньше. В уцелевших книгах управляющего осталась лишь сухая запись от 31-го года Китайской Республики: «Восемь свитков на шёлке, среди которых "Изумрудные наслоения десяти тысяч сосен" и "Надвигающаяся буря в горах", разграблены иностранцами. Списаны как уничтоженные».

— «Разграблены иностранцами»... — Ли Цзиньцю, до сих пор хранивший угрюмое молчание, во все глаза уставился на изящную живопись. На его лице отразилось крайнее изумление, быстро сменившееся злостью. — Да уж. Выходит, этот ваш хваленый музей — обыкновенный воровской притон!

Чжоу Цзюньтун покачнулась, стремительно бледнея.

Помощник директора побагровел от ярости:

— Что вы себе позволяете?! На что вы намекаете?!

Ли Цзиньцю лишь развёл руками и небрежно повёл плечом — дескать, понимай как хочешь, любезный.

А Чжун Ин легонько постучал согнутым пальцем по стеклу витрины. Его тон оставался безупречно вежливым, почти светским:

— Всего лишь делюсь наблюдениями. Странное совпадение: всё, что хранится в закромах господина Беллу, удивительным образом совпадает со списком того, что в сороковые годы пропало у господина Шэня. Нахожу это совпадение забавным. Не более.

Разумеется, у него не было на руках прямых, неопровержимых улик, доказывающих, что эти серийные предметы искусства когда-то стояли на полках в усадьбе Шэнь. Однако в одном он был убеждён абсолютно: Шэнь Лин никогда бы не подарил столь внушительную часть семейного достояния человеку, чьего имени даже не помнил на закате дней.

Помощник, не зная, как урезонить наглого гостя, сорвал злость на экскурсоводе:

— Ваша некомпетентность переходит все границы! Вы провалили свои обязанности, вы...

— Потому что я не вижу смысла продолжать эту экскурсию! — звонко перебила его Чжоу Цзюньтун. Столько твёрдости в её голосе не слышал ещё никто.

— Господин Чжун знает происхождение этих вещей лучше любого из нас. И я верю каждому его слову! — отчеканила она, прямо глядя в лицо опешившему помощнику. — И мне тоже чертовски интересно получить ответ на его вопрос. Как вышло, что экспонаты музея Беллу в точности соответствуют списку украденного у Шэнь Линя?

— Чушь! Нелепая ложь!

Лицо мужчины исказилось от злобы. Он ткнул пальцем в сторону девушки:

— Где ваши доказательства?! Чем вы можете подтвердить, что эти вещи когда-то принадлежали Шэню? Да даже если и так — откуда вам знать, что этот ваш великий мастер не преподнёс их господину Беллу лично? А потом, испугавшись гнева семьи, просто трусливо вписал их в реестр как «похищенные» или «уничтоженные»?!

Помощник скрежетал зубами от бессилия. Ему хотелось немедленно вызвать директора Юя и устроить тому жесточайший разнос: «Я же ясно просил подобрать гида, который искренне боготворит господина Беллу!»

Словно уязвлённая этим немым упрёком, Чжоу Цзюньтун сорвалась на крик:

— Сударь! Я и была здесь той, кто восхищался господином Беллу больше всех!

Её внезапная вспышка заставила итальянца осечься. Даже Чжун Ин с Ли Цзинью удивлённо

обернулись к ней.

— С того самого дня, как я начала изучать реставрацию, и до сегодняшней стажировки моя признательность и уважение к господину Беллу только росли! — дрожащим, но звонким от переполнявших её чувств голосом заговорила девушка. — Чем больше я узнавала о древнем искусстве, тем глубже становилась моя благодарность.

— Я написала сотысячную диссертацию о вкладе итальянских специалистов в сохранение китайского наследия! В ней я приводила этот музей как эталон гуманизма и щедрости! Каждый год в день рождения господина Беллу я организовывала на факультете реставрации праздничные мероприятия, отправляла ему открытки и молилась за его здоровье!

Она делала всё, что было в силах юной, восторженной студентки, чтобы выразить почтение великому меценату. В её сердце жила чистая, искренняя вера реставратора в благородство спасителя искусств. Она свято верила в красивую легенду о дружбе итальянского коммерсанта и китайского музыканта, пронесённой сквозь огонь войны.

И теперь, вспоминая свои наивные порывы, она ощутила такую жгучую смесь стыда и обиды, что её глаза мгновенно наполнились слезами, а кулаки сжались до белизны в костяшках.

— Но всё это имело смысл лишь до тех пор, пока я считала его честным человеком! — её голос сорвался, душившие слёзы наконец хлынули из глаз. Глубокая личная драма обманутого доверия рвалась наружу. — А потом я приехала в Китай. Я услышала другую правду. Я лично подняла старые архивы. В документах вашего музея нет ни капли последовательности! Сплошные белые пятна и нестыковки!

— Скажите мне, верный страж господина Беллу, — сквозь слёзы потребовала она, — на каком именно аукционе он «купил» десятиструнный цинь? Откуда на самом деле взялись эти свитки, бронза и танский фарфор?!

Ли Цзиньцю никогда прежде не видел кузину такой. Она размазывала слёзы по лицу, как обиженный ребёнок, но в её плаче не было слабости — лишь отчаянный, гордый протест:

— Я чтита Беллу-спасителя! Но я никогда не стану преклоняться перед обыкновенным вором!

Её звонкий голос разнёсся по залу, заставив случайных посетителей удивленно обернуться. Ли Цзиньцю, словно впервые разглядев в двоюродной сестре сильного человека, молча притянул её к себе за плечи и осторожно похлопал по спине, защищая от чужих взглядов. Вокруг повисло тяжёлое, неловкое молчание, прерывавшееся лишь тихим шёпотом зевак, пытавшихся понять суть вспыхнувшей ссоры.

Чжун Ин молча наблюдал за происходящим. Твёрдость девушки удивила его, но ещё лучше он понимал её боль. Крушение кумиров всегда невыносимо. Когда идеальный образ, служивший ориентиром в жизни, внезапно даёт глубокую трещину и рассыпается прахом, этот крах

погребают под собой прежнюю личность, заставляя душу перерождаться в муках.

Когда-то Чжун Ин безжалостно бросил ей в лицо: «Твой кумир — вор и мародёр». Теперь эта прямота показалась ему излишне жестокой. Ему стало искренне жаль девушку, и он тихо произнёс:

— Не трать силы на споры, он всего лишь наёмный работник и выполняет чужую волю. Я понимаю, как тебе сейчас тяжело. Но посмотри на это с другой стороны: твоё личное отношение к Беллу изменилось, однако благодаря твоей работе эти реликвии по-прежнему целы. Вы уберегли их.

— Господин Чжун... — Чжоу Цзюньтун подняла на него заплаканные глаза. В её взгляде сквозило изумление — она никак не ожидала услышать столь тёплые слова от человека, которого считала высокомерным сухарём.

Чжун Ин лишь мягко улыбнулся.

— Я рад, что ты нашла в себе силы открыть глаза, — искренне добавил он. — Ещё тогда, в музее озера Цинлин, когда ты сказала, что готова посвятить этим вещам всю жизнь, я проникся к тебе глубоким уважением.

— Пускай Беллу совершил немало грехов, но то, что его наследие помогло вырастить таких преданных своему делу мастеров, как ты, — это неоспоримое благо.

Ли Цзиньцю насупился и шутливо проворчал:

— Перестань её хвалить, Чжун Ин. Совсем разнежится. — Он строго посмотрел на сестру. — Устроила тут мокрое дело на глазах у честной публики. Учись у меня — зубы скалить надо, а не реветь.

Вся её трагическая меланхолия мгновенно улетучилась, разбившись о непробиваемую броню мужской иронии. Чжоу Цзюньтун замахнулась, чтобы вклеить брату подзатыльник, но тот легко уклонился и решительно шагнул к застывшему помощнику директора.

Ли Цзиньцю был на голову выше итальянца. Слегка вздёрнув подбородок, он смерил собеседника столь высокомерным взглядом, что тот невольно отступил на полшага.

— Передай своему нанимателю, — с глумливой усмешкой процедил сквозь зубы Ли Цзиньцю, — что его дешёвые трюки на нас не работают. Методы промывки мозгов у старика знатно устарели. Придумайте что-нибудь поновее.

От такой наглости итальянец едва не задохнулся. Позабыв о необходимости согласовывать действия с Беллу, он яростно рывкнул стоявшему неподалёку зрителю:

— Немедленно откройте демонстрационный зал!

Демонстрационный зал

Кинозал музея Беллу впечатлял своими масштабами. Здесь регулярно крутили высокобюджетную документальную ленту, призванную поведать миру о тернистом пути экспонатов и о том, как бережно их вернули к жизни под сенью этого заведения.

Чжун Ина, Ли Цзиньцю и всё ещё шмыгающую носом Чжоу Цзюньтун бесцеремонно препроводили на лучшие места в первом ряду. Так запланированная итальянцами «программа укрощения строптивых» пополнилась заплаканной девицей, которая то и дело шумно вздыхала, утирая остатки слёз рукавом.

Свет померк. На огромном панорамном экране вспыхнули первые кадры. Название гласило: «Беллу и Китай».

Фильм, главным героем которого выступал сам Гаррисон Беллу, брал своё начало в кровавом хаосе японо-китайской войны. Он поведал о благородном европейце, преодолевшем полмира ради спасения восточной культуры. В кадре мелькали архивные хроники: яростные протесты Беллу против произвола японских милитаристов, драматичные сцены вывоза ящиков с ценностями, основание флорентийского музея, привлечение лучших умов университета и, наконец, трогательные кадры с первыми китайскими стажёрами.

Сюжет в точности повторял то, о чём совсем недавно с придыханием рассказывала Чжоу Цзюньтун. Но это не было беспристрастной хроникой. Лента представляла собой помпезный, сочащийся пафосом гимн самолюбованию. Зрителю навязывали образ святого мученика — итальянца, который после случайной встречи с великой культурой посвятил всю свою земную жизнь спасению чужого наследия, фактически подарив ему будущее.

На экране появился сам Беллу — благообразный старец с безупречной седой шевелюрой. По-актерски выверенным, глубоким голосом он вещал:

— Я полюбил культуру Поднебесной всей душой, но моим главным увлечением навсегда осталась её музыка. Когда я впервые ступил на эту древнюю землю, мой близкий друг сыграл мне на гуцине. И эти звуки навсегда пленили моё сердце.

Время шло, но таинственный инструмент, подаривший ему родную душу, не только перевернул его жизнь, но и — по воле providения — вновь вернулся к нему спустя десятилетия.

В момент съёмок Беллу ещё не был прикован к инвалидному креслу, а десятиструнная «Изящное созвучие» как раз находилась в процессе реставрации. Старик и реликвия

выглядели на удивление похожими — два осколка ушедшей эпохи, побитые временем, но не утратившие былой стати.

С улыбкой взглянув в объектив, старик указал на почерневший от времени остов инструмента, лежащий на реставрационном столе, и с гордостью произнёс:

— Мой путь в Китае начался именно с этого циня. Многим кажется странным, зачем итальянский коммерсант выстроил великолепный театр во Флоренции, зачем десятилетиями выплачивал стипендии одарённым музыкантам со всего света... Поверьте, дело вовсе не в моём милосердии или тщеславии. Причина кроется в другом.

— Когда-то я дал нерушимую клятву своему безвременно ушедшему китайскому другу. Я обещал, что отыщу его возлюбленный инструмент, построю для него лучший концертный зал в Италии и сделаю так, чтобы его искусством восхищалась вся просвещённая Европа.

В его глазах промелькнула тщательно отрепетированная скорбь. Он медленно прикрыл веки, словно не в силах вынести тяжести нахлынувших воспоминаний.

— И я обязан исполнить этот долг. Лишь тогда моя душа обретёт покой.

Голос за кадром настойчиво вопрошал имя этого таинственного заступника, но Беллу лишь скорбно качал головой, безмолвно давая понять, что рана слишком глубока.

Фильм подошёл к концу, но имя Шэнь Линя так ни разу и не прозвучало. Однако его незримое присутствие ощущалось в каждом кадре, скользя между древними свитками и струнами безмолвной «Изящное созвучие».

Чжун Ин сидел в темноте зала, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Никакой великой дружбы или гуманизма он здесь не увидел — лишь бездонное, изощрённое тщеславие. Возможно, в словах Беллу и имелась крупица истины: десятиструнный цинь действительно когда-то перевернул его примитивный внутренний мир, побудив строить театры и опекать таланты. Вот только двигало им вовсе не благородство. Им двигал липкий, непреходящий страх мародёра. Он всю жизнь пытался откупиться от собственной совести, замаливая грехи показной благотворительностью.

В полумраке кинозала плыли прощальные, щемящие звуки гуциня. Экран погас, но никто из троих зрителей не проронил ни слова. Даже Чжоу Цзюньтун успела успокоиться и теперь сидела абсолютно неподвижно, с застывшим, ничего не выражающим лицом.

— Теперь вы видите, насколько великодушен господин Беллу? — заговорил помощник, надеясь, что патетика кинематографа наконец сломила их упрямство. — Не будь его, этот цинь давно сгнил бы в земле, а все эти бесценные сокровища сгорели бы в пламени войны. Он спас их от неминуемой гибели! Почему вы столь несправедливы к человеку, который подарил вашей культуре вторую жизнь?

Ли Цзиньцю издал короткий, издевательский смешок:

— Трогательная сказочка. Вот только ни один уважающий себя китаец не сможет смотреть это без отвращения. Сплошное самолюбование и завуалированная колониальная спесь. Слушать тошно.

— Мне тоже... больше не нравится этот фильм, — тихо, но твёрдо отозвалась Чжоу Цзюньтун. Она смотрела его десятки раз, но сейчас от бывшего благоговения не осталось и следа. На душе было пусто и горько. — Величие не строят на воровстве.

Помощник директора мысленно проклял упрямых гостей. Особенно девчонку! Ещё вчера она дышать не могла от восторга при упоминании Беллу, а сегодня так легко предала свои идеалы!

Он уже собирался приказать крутить следующий агитационный ролик, когда тишину зала разрезал спокойный голос Чжун Ина:

— Скажите, любезный, вы действительно считаете это величием?

— Безусловно! — итальянец воодушевился, решив, что парень наконец-то начал поддаваться логике фильма.

Но взгляд Чжун Ина выражал лишь вежливое, почти детское недоумение.

— То есть, по-вашему, вывезти чужие ценности из разорённой страны и запереть их в частной галерее под предлогом спасения — это благородный акт сохранения мировой культуры?

— Именно так, — с готовностью подтвердил помощник, полагая, что нащупал верный путь к примирению. — Поймите, в те смутные времена Китай был слаб и беспомощен. Если даже такой выдающийся мастер, как господин Шэнь, оказался в руках японских оккупантов, о какой защите искусства могла идти речь? Ваша страна физически не могла сберечь эти сокровища. Господин Беллу взял этот крест на себя!

Чжун Ин тихо, беззвучно рассмеялся — этот ответ был предсказуем до зевоты.

— Позвольте задать вам один гипотетический вопрос, — мягко произнёс он. — Представьте, что завтра на Землю приземлится высокоразвитая инопланетная раса. Пришельцы увидят, что в Италии глубокий кризис, преступность бьёт рекорды, а государственные институты трещат по швам. И тогда они решат: «Итальянцы слишком глупы и дики, чтобы сохранить своё великое наследие». Они заберут все шедевры Да Винчи, Микеланджело и Рафаэля, увезут на свою планету и построят там великолепный интергалактический музей для демонстрации этих сокровищ ради «сохранения земной цивилизации»...

— И вот вы, как чистокровный итальянец, окажетесь в этом музее среди звёзд. Скажите мне

честно: вы будете падать ниц и со слезами на глазах благодарить этих зелёных человечков за их великую миссию?

Помощник директора уловил заложенную в примере издёвку и вспыхнул:

— Ваше сравнение некорректно! Ситуация с господином Беллу принципиально иная!

— Ровно та же самая, — отрезал Чжун Ин. — И те, и другие прикрывают обыкновенный грабёж высокими лозунгами. Они считают себя цивилизованными спасителями, а ограбленных — неразумными дикарями, неспособными оценить собственное богатство. Это обыкновенное колониальное высокомерие, прикрытое благородной личиной. Между ними нет никакой разницы, сударь. Абсолютно никакой.

Чжун Ин поднялся с кресла и посмотрел прямо в глаза онемевшему итальянцу. Перед ним стоял классический винтик системы — преданный служака, который искренне верил в святость своего патрона и даже не задумывался, насколько уродливо выглядит его привычная западная снисходительность со стороны.

— Вы только что умилялись кадрам, где господин Беллу со слезами на глазах благодарит старинный цинь за свою судьбу, — Чжун Ин указал рукой на темнеющий экран. — Но при этом он запер этот самый цинь в тёмной, душной кладовой почти на восемьдесят лет. — Он наклонил голову, глядя на мужчину со странным прищуром. — Способны ли вы представить, каково это — провести восемьдесят лет в бетонном склепе? В абсолютной темноте, без единого луча солнца, в золотой клетке, где твоё присутствие скрывают от всего мира? Где никто никогда не услышит твоего голоса и откуда тебе не суждено выбраться до конца времён?

— Это всего лишь кусок дерева! Инструмент! — не выдержал помощник, посчитав подобные сравнения верхом абсурда. — Разве вы сами, китайцы, обращаетесь с ними иначе?! Вы точно так же вешаете их на стены и кладете на столы! В чём преступление?!

— Мы вешаем их, но мы же на них и играем, — не повышая голоса, возразил Чжун Ин. — Мы кладем их на столы, но мы же выносим их под солнце, позволяя звучать так, как велел им создатель. Мы дарим им жизнь. Для нас цинь — это не вещь. Это близкий друг, родная душа, равный собеседник. Мы не держим их как рабов на привязи ради собственного удовольствия.

Его тихий голос зазвучал с такой внутренней силой, что помощник невольно притих. Чжун Ин обнажил саму суть пропасти, разделявшей восточное созерцание и западное потребительство.

— Назначение музыкального инструмента — дарить миру музыку. Беллу же превратил его в дорогую безделушку, скрытую от посторонних глаз ради удовлетворения собственного эго.

— Софистика! Нелепая демагогия! — вскипел итальянец, топнув ногой. — Если бы не господин Беллу, и этот цинь, и все ваши хваленые вазы давно превратились бы в пепел под бомбёжками! — Он ткнул пальцем в сторону юноши: — Или вы предпочли бы, чтобы их разграбили японские

солдаты?!

— Почему я вообще должен выбирать между японскими мародёрами и итальянскими? — Чжун Ин посмотрел на него с искренним сожалением. Западный разум упорно отказывался выходить за рамки бинарной логики грабителей. — Любая попытка силой или хитростью присвоить чужую землю, чужую жизнь или чужое имущество остаётся преступлением. И неважно, какими красивыми словами вы его оправдываете. Тот факт, что я осуждаю зверства японцев, не обязывает меня прославлять мародёрство господина Беллу. По сути своей они занимались одним и тем же.

— Я не позволю вам ровнять имя великого Гаррисона Беллу с грязными захватчиками! — прошипел помощник, багровея от гнева.

— Что ж, если исторические параллели для вас слишком сложны, давайте говорить на языке фактов, — спокойно ответил Чжун Ин.

Он понял, что спорить с этим человеком бессмысленно. Куда эффективнее было нанести один точный, сокрушительный удар по фальшивому величию их хозяина.

— На самом деле, я весьма благодарен вам за эту экскурсию, — Чжун Ин тонко улыбнулся. — Сегодня я своими глазами увидел подтверждение того, куда именно делись пропавшие сокровища семьи Шэнь. На его лице не осталось и следа злости — лишь холодная, торжествующая уверенность человека, знающего истину. — И сделайте милость, передайте вашему глубокоуважаемому патрону мои слова. Слово в слово.

Чжун Ин сделал шаг вперёд. Его глаза ярко блеснули в полумраке гаснущего зала, а каждое слово ложилось тяжёлым, чеканным ударом:

— Скажите ему, что я приложу все усилия, чтобы те письма на китайском языке, которые он прячет в своём сейфе, наконец увидели свет. Любой человек, способный прочесть хотя бы пару иероглифов, сразу поймёт: в этих строках нет ни намёка на дружбу. Это отчаянный крик жертвы, у которой отняли самое дорогое. Это обвинительный акт против вора, омрачивший последние дни умирающего мастера. Беллу не нажимал на курок, но именно он стал тем, кто заставил великого Шэнь Линя уйти в могилу с невыносимой болью в сердце.

<http://bllate.org/book/20108/1998741>